

Александр Топал

Погляди, как в час прибоя
лес играет сам с собою!
Так и ты со мной играл.

Марина Цветаева, 1928

Песня Альпийского Поэта

Le chant du poete alpin

18+

Александр Топал

Песня Альпийского поэта

<https://litres.ru/74569397>

SelfPub; 2026

Аннотация

Париж, 1928 год. Встречаются двое — восемнадцатилетний Николай Гронский, начинающий поэт русского зарубежья, и Марина Цветаева, уже признанная, опытная и внутренне одинокая женщина.

Для Николая эта встреча становится любовью, которая постепенно превращается в Судьбу. Марина же видит в юноше талантливого поэта, друга, почти сына — но за этой близостью всё настойчивее проступает другое чувство, которому трудно найти имя.

Их отношения проходят через дружбу, ревность, страсть, духовную близость и невозможность быть вместе. Между ними — возраст, семья, эмиграция и трагическая эпоха, заставившая тысячи русских людей искать новую жизнь вдали от Родины.

А ещё есть Альпы — горы, ставшие для Гронского символом свободы, красоты и его собственной мечты.

«Песня Альпийского поэта» — роман о любви, которую невозможно осуществить, но невозможно и забыть.

Александр Топал

Песня Альпийского поэта

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ДОЖДЬ В МЕДОНЕ»

Париж умел встречать чужих людей дождём.

Не тем коротким, весёлым дождём, который пробегает по мостовым, оставляя на камнях серебристые дорожки, а тем мелким, почти невидимым, который словно рождается не в небе, а прямо в воздухе. Он висел над улицами серой пеленой, садился на воротники, проникал под рукава, делал каменные дома ещё более холодными и заставлял человека идти быстрее, хотя идти ему, собственно, было некуда.

Николай Гронский шёл по улице и думал, что вот уже несколько лет живёт в Париже, а Париж всё ещё не знает его.

Он знал этот город лучше, чем ему казалось. Знал, где у Сены вода кажется зелёной, где по утрам пахнет свежим хлебом, где старики спорят у газетных киосков, где после дождя особенно блестят чугунные ограды. Знал станции поездов, названия улиц, книжные лавки, мосты и соборы. Он мог объяснить другому русскому, как доехать до нужного места, где дешевле купить книгу и на какой улице лучше не заблудиться вечером.

Но всё это было знанием чужого дома.

А собственным домом Париж так и не стал.

Он иногда ловил себя на странной мысли: если завтра исчезнуть, город даже не заметит.

Никто не остановится посреди улицы. Никто не спросит, почему он не пришёл. Никто не будет ждать его у окна.

От этой мысли становилось стыдно. В восемнадцать лет полагалось думать о другом. О стихах. О любви. О будущем. О том, кем станешь, когда вырастешь. А Николай всё чаще думал о том, как легко человек может оказаться ненужным.

Особенно в эмиграции.

Здесь вокруг говорили по-французски. Иногда он понимал всё, иногда почти ничего. Французская речь была быстрой, мягкой, насмешливой. Она катилась по улицам, звучала в кафе, в аудиториях, в очередях, в поездах. Люди смеялись на языке, который он ещё не успел сделать своим.

Русская речь тоже была рядом.

Но странным образом и она не всегда согревала.

Русские эмигранты говорили о России так, словно оставили её вчера. Спорили о политике, о царе, о большевиках, о генералах, о Париже, который их не понимал. Одни мечтали вернуться. Другие клялись, что никогда не вернутся. Третьи делали вид, что им всё равно.

Николаю иногда казалось, что все они живут лицом назад.

А он не умел жить назад.

Он был слишком молод, чтобы помнить прежнюю Россию такой, какой её помнили взрослые. В его памяти она была не страной, а обрывками: домами, голосами, дорогами, лицами,

запахом земли. Петербургом. Тверским именем. Какими-то длинными разговорами взрослых, смысл которых тогда был непонятен.

Он помнил отца.

Помнил его руки, бумаги, книги, строгий голос.

Павел Павлович казался ему человеком, который знает, куда идёт.

Николай пока не знал.

Юридический факультет был выбором отца. Право было серьёзным делом. Право могло дать профессию. Профессия могла дать независимость.

Но вечером, когда книги лежали перед ним раскрытыми, Николай смотрел не на страницы.

Он смотрел в окно.

И думал о стихах.

Стихи были чем-то непрактичным, почти неприличным для человека, который должен был стать юристом. Они ничего не гарантировали. Не давали денег. Не обещали положения. Не объясняли, как устроен мир.

Но только в стихах Николай чувствовал, что говорит не чужим голосом.

Он писал и прятал написанное.

Иногда перечитывал.

Иногда рвал.

Иногда оставлял одну строку и выбрасывал всё остальное.

Ему казалось, что настоящая строка приходит человеку

один раз. Если не успеешь её поймать, она уйдёт навсегда.

В тот день он тоже думал о строке.

Но никак не мог её найти.

Дождь моросил с самого утра.

К вечеру Париж стал почти бесцветным.

Николай шёл, подняв воротник пальто, и чувствовал на плечах не только сырость. На него словно опускалась вся тяжесть чужой жизни: чужой город, чужой язык, чужие разговоры, чужие судьбы.

Он остановился у витрины книжной лавки.

За стеклом лежали французские книги.

На одной из них он задержал взгляд.

Потом увидел своё отражение.

Юноша с мокрыми волосами, слишком серьёзный для своих восемнадцати лет.

Он вдруг подумал: неужели это и есть я?

И почти сразу услышал за спиной русскую речь.

— Вы опять куда-то торопитесь?

Николай обернулся.

Он ещё не знал, что через несколько минут его прежняя жизнь закончится.

Впоследствии он не раз пытался вспомнить, какой она была в первый момент.

Память оказалась беспощадной.

Она не сохранила ни точного цвета её платья, ни того, как

лежали волосы, ни выражения лиц окружающих.

Она сохранила только впечатление.

Марина.

Она стояла перед ним так, будто дождь существовал отдельно от неё.

Ей было тридцать пять.

Ему — восемнадцать.

Разница в возрасте была такой очевидной, что её невозможно было не заметить. И всё же в первую секунду Николай не подумал о возрасте.

Он подумал о глазах.

В них было что-то совершенно не парижское.

Не спокойствие человека, которому нечего терять, и не усталость эмигранта, привыкшего жаловаться на судьбу.

Взгляд был живой.

Острый.

Почти опасный.

Она смотрела на него так, словно уже видела больше, чем он успел сказать.

— Гронский?

Он кивнул.

— Николай?

— Да.

— Я Цветаева.

Он знал.

Конечно, знал.

Это имя давно существовало в его сознании отдельно от человека.

Марина Цветаева.

Он читал её стихи.

Слышал о ней.

Знал, что она принадлежит к тем русским писателям, о которых говорят одновременно с восхищением и раздражением. Она была слишком резкой, слишком самостоятельной, слишком непохожей на остальных.

Но всё это знание исчезло, когда он увидел её перед собой.

Она улыбнулась.

И вдруг стала другой.

Не знаменитой.

Не далёкой.

Не литературной.

Просто женщиной.

И в этой женщине было что-то такое, чего Николай совершенно не ожидал.

Он увидел в ней не только желанную женщину.

Он увидел мать.

Не свою мать — и именно поэтому это чувство было почти пугающим.

В ней было тепло, которого ему давно не хватало. Что-то домашнее, хотя вокруг стоял чужой город. Что-то такое, к чему хотелось приблизиться не только ради любви, но ради самого ощущения близости.

Ему хотелось слушать её.

Хотелось идти рядом.

Хотелось, чтобы она иногда говорила ему: не бойся.

И одновременно ему хотелось, чтобы она смотрела на него не как на мальчика.

Это противоречие мучило его с первого же вечера.

Он ещё не умел назвать его любовью.

Слишком рано.

Любовь должна была иметь другое лицо.

А это было похоже на внезапное узнавание.

Как будто человек, которого ты впервые видишь, каким-то образом уже давно живёт в твоей памяти.

Марина тем временем говорила о чтении.

О «Федре».

О Кламаре.

О том, что если будет дождь, придётся ехать поездом, потому что поезда ходят редко.

Говорила быстро.

Перескакивала с одного на другое.

В её речи было столько движения, что Николай едва успевал следить.

И всё это время он смотрел на неё.

На женщину, которая могла быть строгой и нежной почти одновременно.

На мать, у которой дома были дети.

На поэтессу, которая могла одним словом заставить его

почувствовать себя глупым.

На женщину, рядом с которой ему вдруг стало не так одиноко.

— Вы меня слушаете? — спросила она.

Он смутился.

— Да.

Она посмотрела внимательнее.

— Неправда.

Он улыбнулся.

И она тоже.

Вот тогда он понял, что пропал.

Не окончательно.

Не навсегда.

Но достаточно, чтобы следующий день уже не был похож на предыдущий.

Позже он узнал, что у неё бывают дни, когда она почти не выходит из дома.

Узнал, что она может часами ходить пешком.

Узнал, что она любит говорить о книгах так, будто говорит о живых людях.

Узнал, что у неё есть сын Мур.

Узнал, что Сергей Яковлевич часто занят.

Узнал, что у неё есть друзья, знакомые, писатели, люди, которых она то приглашает, то резко отталкивает.

Но важнее всего он узнал другое.

Марина не боялась одиночества.

Она его знала.

Она умела жить внутри него.

И потому, вероятно, сразу почувствовала его одиночество.

Николай иногда думал, что именно это и привлекло его сильнее всего.

Она не жалела его.

Жалость унижала.

Она разговаривала с ним как со взрослым.

Спорила.

Требовала.

Могла сказать, что строка плохая.

Могла похвалить одну-единственную строку и забыть про остальные.

И когда она смотрела на него, ему хотелось стать лучше.

Не богаче.

Не известнее.

Лучше.

Он начинал писать иначе.

Он начал внимательнее смотреть на улицы.

На людей.

На горы.

На собственную память.

Париж постепенно переставал быть только чужим городом.

Потому что теперь в нём существовало место, где его ждали.

Медон.

Дом Марины.

Адрес, который он вскоре запомнил без бумаги.

Иногда ему казалось, что весь Париж создан только затем, чтобы между ним и этим домом существовала дорога.

Первое письмо, которое Марина написала ему, было датировано 4 февраля 1928 года.

Она приглашала его в Медон.

Вечером они должны были поужинать вместе, а потом отправиться в Кламар пешком.

Если будет дождь — поездом.

Так просто это было записано на бумаге.

Но для Николая эти несколько строк могли бы изменить всю его жизнь.

Он держал письмо в руках дольше, чем требовалось.

Перечитал.

Потом ещё раз.

Он знал каждое слово.

Но между словами ему чудилось что-то другое.

Приходите.

Я жду.

Мы пойдём вместе.

Для взрослого человека это были обычные слова.

Для восемнадцатилетнего юноши, который ещё недавно считал себя никому не нужным, они звучали почти как обещание.

Он спрятал письмо.

Потом достал.

Потом снова спрятал.

Ему хотелось смеяться.

Ему хотелось бежать.

Ему хотелось остаться одному и никому не показывать, что происходит у него внутри.

Вечером он долго не мог заснуть.

Он представлял Медон.

Дом.

Её голос.

Дорогу в Кламар.

Дождь.

И себя рядом с ней.

В одном из своих воображаемых вариантов он был уже взрослым человеком, известным поэтом, и Марина смотрела на него с гордостью.

В другом он был всё тем же восемнадцатилетним мальчиком, а она брала его под руку, и ему становилось спокойно.

В третьем они просто шли молча.

И почему-то именно этот вариант казался ему самым счастливым.

Он ещё не понимал, что в Марине одновременно существуют несколько женщин.

Та, которую видят другие.

Та, которую знают близкие.

Та, которую видит Сергей.

Та, которую видят дети.

Та, которую видит сама Марина в зеркале.

И та, которая появлялась рядом с ним.

Последняя была самой опасной.

Она могла быть ласковой.

Могла быть резкой.

Могла вдруг замолчать и уйти в свои мысли.

Она могла сказать ему то, чего не сказал бы никто другой.

«Вам ещё нечем писать», — могла сказать она.

И Николай не обижался.

Потому что хотел, чтобы она верила в него.

Ему было важно именно её мнение.

Не редактора.

Не профессора.

Не отца.

Её.

И однажды он понял страшную вещь.

Он начал писать не только потому, что ему хотелось писать.

Он писал, потому что хотел, чтобы она прочитала.

Весной они много ходили.

Иногда по Парижу.

Иногда за городом.

Иногда просто бесцельно.

Марина любила ходить.

Николай быстро заметил, что рядом с ней невозможно гулять медленно. Она двигалась так, словно куда-то опаздывала, хотя сама не знала куда.

Она могла внезапно остановиться.

Посмотреть на дерево.

Сказать несколько слов о Пастернаке.

Потом вспомнить Ремизова.

Потом спросить о стихах.

Потом вдруг заговорить о Версале.

Николай слушал.

Иногда спорил.

Иногда молчал.

И всё чаще ловил себя на том, что ему хочется не просто быть рядом.

Ему хочется стать частью её мира.

Он завидовал книгам, которые она читала.

Завидовал людям, с которыми она разговаривала.

Завидовал даже тем местам, где она когда-то была без него.

Это было нелепо.

Но любовь редко спрашивает разрешения у рассудка.

Он видел в ней мать.

Это чувство пугало его сильнее всего.

Когда она говорила о Муре, её лицо менялось.

В нём появлялась особенная мягкость.

И Николай представлял, как она входит в комнату, где ребёнок спит, поправляет одеяло, склоняется над ним.

Иногда ему хотелось увидеть эту сторону её жизни.

Не как постороннему.

Как человеку, которому доверяют.

Но рядом с этим желанием жило другое.

Он хотел быть мужчиной в её глазах.

Хотел, чтобы она видела в нём не ребёнка.

И потому каждый её взгляд становился для него испытанием.

Если она говорила:

— Николай Павлович...

он слышал в этом расстояние.

Если:

— Николай...

ему казалось, что расстояние исчезло.

А если она улыбалась и ничего не говорила, он мог потом целый день вспоминать эту улыбку.

Однажды он спросил себя:

«А что будет, если она полюбит меня?»

Вопрос был настолько смелым, что он сам испугался его.

Он не ответил.

Не смог.

Потому что следом возник другой:

«А что будет, если она никогда не сможет полюбить меня

так, как я хочу?»

Вот этого ответа он боялся.

И всё же возвращался к нему снова.

Марина была старше.

У неё был муж.

Дети.

Прошное.

Целая жизнь, о которой он не знал.

А у него самого было только будущее.

Может быть, именно это и разделяло их сильнее всего.

Он шёл к жизни.

Она уже несла её на себе.

Он мечтал о том, кем станет.

Она уже была тем, кем стала.

И всё-таки рядом с ней он впервые почувствовал, что его собственная жизнь может иметь направление.

Париж продолжал говорить на чужом языке.

Дождь продолжал идти.

Люди продолжали спешить по улицам.

Русские эмигранты продолжали спорить.

Поезда продолжали приходить и уходить.

А Николай уже знал, что существует один дом в Медоне, куда можно прийти.

И одна женщина, которая скажет:

— Приходите.

Этого было достаточно.

Пока.

Он ещё не знал, сколько боли принесёт ему это короткое слово.

Не знал, что через несколько лет будет перечитывать её письма уже не как счастливый юноша, а как человек, который пытается понять, где именно началась и где именно закончилась его любовь.

Не знал, что любовь может быть не только встречей.

Иногда любовь — это ожидание.

Иногда — прогулка.

Иногда — письмо.

Иногда — взгляд женщины, которая смотрит на тебя и видит в тебе одновременно мальчика, друга, поэта и мужчину.

А иногда любовь начинается с самого простого.

С дождя.

С чужого города.

С ощущения, что ты никому не нужен.

И с одного голоса, который вдруг говорит:

— Николай?

Он оборачивается.

И впервые за долгое время ему кажется, что его действительно увидели.

Он ещё не знает, что эту женщину зовут Марина Цветаева. Точнее, он знает её имя.

Но пока ещё не знает её судьбы.

И уж совсем не знает своей.

В тот вечер, когда они впервые отправились пешком, дождь всё-таки начался.

Сначала несколько капель упало на мостовую. Потом их стало больше. Марина подняла лицо к небу и почему-то улыбнулась.

— Вот видите, я предупреждала.

Николай тоже улыбнулся.

— Значит, поезд.

— Нет.

Она сказала это так решительно, будто дождь был не причиной отменить прогулку, а доказательством того, что прогулка теперь особенно необходима.

Они пошли.

Первые минуты Николай почти не говорил.

Он боялся разрушить что-то невидимое, что возникло между ними.

Марина шла рядом и время от времени поправляла воротник. В её движениях не было кокетства. Она вообще не старалась нравиться.

И именно поэтому нравилась ещё сильнее.

Николай смотрел на неё украдкой.

Он замечал мелочи.

Как она держит руки.

Как слегка наклоняет голову, когда слушает.

Как вдруг замедляет шаг, если ей приходит в голову
мысль.

Как смеётся — не громко, но совершенно неожиданно.

Он думал: вот такой я её запомню.

Не в красивом платье.

Не на литературном вечере.

Не среди людей.

Под дождём.

Рядом со мной.

И в эту секунду ему впервые захотелось запомнить не её
лицо, а всю жизнь вокруг неё.

Улицу.

Деревья.

Фонари.

Мокрые крыши.

Шорох колёс.

Запах сырой земли.

Он боялся, что если не запомнит всё это сейчас, то однажды проснётся и поймёт, что этот вечер был единственным счастливым вечером его юности.

— Вы молчите, — сказала Марина.

— Думаю.

— Это опасное занятие.

— Почему?

— Потому что человек обычно думает совсем не о том, о чём говорит.

Николай посмотрел на неё.

Она улыбалась.

— А о чём вы думаете? — спросила она.

Он мог ответить правду.

«О вас».

Но не ответил.

— О Париже.

— Врёте.

Он засмеялся.

Она тоже.

И ему стало легко.

Так легко, что на несколько минут он забыл обо всём.

О России.

О доме.

О будущем.

О том, что он эмигрант.

О том, что должен стать юристом.

О том, что у него почти нет денег.

О том, что он пока никто.

Осталась только дорога.

И женщина рядом.

Позже Николай часто возвращался мыслями к этой прогулке.

Он понимал: тогда он впервые увидел в Марине не знаменитую Цветаеву.

До этого существовало имя.

Теперь появился человек.

У неё были слабости.

Усталость.

Раздражение.

Она могла быть несправедливой.

Могла говорить слишком резко.

Могла внезапно стать холодной.

И всё это не уменьшало его чувства.

Напротив.

Чем больше он узнавал её настоящую, тем сильнее становилось желание быть рядом.

Ему хотелось защищать её — хотя он понимал, что она не нуждается в защите.

Ему хотелось помочь ей — хотя она сама могла помочь кому угодно.

Ему хотелось стать для неё тем человеком, к которому она обращается первой.

И в этом желании было что-то детское.

Но Николай не хотел признавать этого.

Он был мужчиной.

Он должен был быть мужчиной.

По крайней мере, рядом с ней.

Он уже начинал понимать, что между ними есть особая близость, которую нельзя объяснить обычной дружбой.

Но что именно это было, он ещё не знал.

Может быть, дружба.

Может быть, любовь.

Может быть, благодарность.

Может быть, всё сразу.

В следующие недели он всё чаще бывал в Медоне.

Дом Марины постепенно становился для него чем-то вроде маленькой России.

Не той России, о которой говорили эмигранты.

Не страны из газет.

Не политического спора.

А России, которая жила в словах.

В книгах.

В интонациях.

В памяти.

В самой Марине.

У неё можно было говорить по-русски и не объяснять, почему тебе больно от какого-нибудь совершенно незначительного слова.

Можно было вспомнить запах леса.

Можно было сказать «Петербург» — и не уточнять, что

это не просто город.

Можно было произнести имя Пастернака и увидеть в ответ живой интерес.

Николай чувствовал, что здесь его понимают.

И постепенно понял: именно этого ему не хватало всё это время.

Не Франции.

Не России.

Не даже семьи.

Ему не хватало человека, рядом с которым его собственная душа переставала казаться чужой.

Иногда Марина спрашивала его о стихах.

Это было хуже любого экзамена.

Она читала внимательно.

Слишком внимательно.

Если ей не нравилось, она говорила прямо.

Если нравилось — тоже.

Николай ждал её оценки с таким волнением, словно от нескольких слов зависела вся его будущая жизнь.

Однажды она сказала ему, что у него есть строки, которые приходят сами, но нет ещё настоящей рабочей дисциплины.

Он сначала хотел обидеться.

Потом понял, что она права.

Её слова не унижали.

Они заставляли его работать.

Он пришёл домой и до поздней ночи переписывал одно стихотворение.

Потом второе.

Потом третье.

Он хотел доказать ей, что достоин её внимания.

Но постепенно понял, что доказать нужно не ей.

Себе.

И это было одним из первых подарков, которые она ему дала.

Она не обещала ему славы.

Не называла его великим.

Она просто заставляла его становиться настоящим.

Ночью Париж был другим.

Днём он казался шумным и равнодушным.

Ночью становился почти человеческим.

Николай возвращался из Медона, и огни электричек отражались в мокрых окнах.

Он смотрел на своё отражение и улыбался.

Иногда ему казалось, что он стал старше на несколько лет.

Иногда — что снова стал ребёнком.

Он думал о том, как Марина произносит его имя.

О том, как она смеётся.

О том, как может вдруг стать серьёзной.

О её детях.

О Сергее.

О жизни, которая была до него.

И тогда появлялась ревность.

Тихая.

Стыдливая.

Безумная.

Он не имел права ревновать.

Он это понимал.

Но сердце не знало права.

Оно знало только желание.

Ему хотелось, чтобы хотя бы на несколько часов её прошлое исчезало.

Чтобы не было людей, которые знали её раньше.

Чтобы не существовало писем, воспоминаний, старых любовей.

Чтобы она была просто Мариной.

А он — просто Николаем.

Двумя людьми, которые идут под дождём.

Но он понимал: так не бывает.

У каждого человека есть прошлое.

И иногда именно прошлое делает его таким, каким ты его любишь.

Однажды Николай подумал о том, что могло быть до него.

Он ничего не спрашивал.

Не хотел.

Но чувствовал в Марине какую-то глубину, которую невозможно было создать только эмиграцией.

Она была женщиной, пережившей слишком многое.

Он ещё не знал всей её истории.

Не знал о московской молодости.

Не знал о войне.

Не знал о голоде.

Не знал о смерти маленькой Ирины.

Не знал о разлуках.

Не знал, сколько раз ей уже приходилось начинать жизнь заново.

Он видел только следы.

Иногда — усталость в глазах.

Иногда — внезапную тишину.

Иногда — резкость, за которой чувствовалась боль.

И чем больше он замечал, тем сильнее становилось желание узнать.

Но он боялся.

Потому что иногда, узнавая человека, мы обнаруживаем не только его.

Мы обнаруживаем пропасть между собой и им.

Весной они говорили о Версале.

О прогулках.

О книгах.

О фотографии.

О Пастернаке.

Марина могла попросить его принести книгу.

Могла позвать на вечер.

Могла написать короткую записку.

И каждая такая записка для Николая становилась событием.

Он складывал их.

Хранил.

Перечитывал.

Иногда думал, что со стороны это смешно.

Восемнадцатилетний мальчик хранит записки женщины, которая старше его почти вдвое.

Но он не чувствовал себя мальчиком.

Рядом с ней он становился самим собой.

И именно это было самым опасным.

В апреле Марина написала ему, что хочет вместе пойти в Версаль.

Николай прочитал записку несколько раз.

Потом положил её на стол.

Потом снова взял.

В нём уже жило ожидание.

Он начинал ждать не встреч.

Он начинал ждать её.

Это было совсем другое.

Когда человек ждёт встречи, время просто движется мед-

ленно.

Когда человек ждёт другого человека, время становится почти физической болью.

Каждый день без неё приобретал вес.

Каждая встреча — значение.

Он ещё не говорил ей ничего.

Не мог.

Он боялся одного простого признания.

Если он скажет — всё изменится.

Если промолчит — всё тоже изменится.

Поэтому он молчал.

И любил.

Марина, возможно, чувствовала больше, чем он думал.

Она была слишком наблюдательна.

Иногда её взгляд задерживался на нём чуть дольше.

Иногда она вдруг становилась мягче.

Иногда обращалась к нему почти по-матерински.

И именно тогда Николай испытывал самое странное чувство.

Ему хотелось положить голову ей на плечо.

И одновременно хотелось, чтобы она увидела в нём мужчину.

Эти два желания не уничтожали друг друга.

Они существовали одновременно.

И от этого чувство становилось ещё сильнее.

Он не мог его объяснить.

Он не мог назвать его правильно.

Но уже понимал: эта женщина вошла в его жизнь не как эпизод.

Она стала её мерой.

По ней он начал измерять расстояния.

Париж от Медона.

День от вечера.

Встречу от разлуки.

Слово от молчания.

И даже собственные стихи — от её взгляда.

Потом будет много всего.

Будут горы.

Будет «Белладонна».

Будут письма.

Будут расстояния.

Будут недосказанные слова.

Будет жизнь, которая окажется сильнее их желаний.

Но тогда, в начале 1928 года, Николай ещё ничего этого не знал.

Он просто шёл рядом с Мариной под мелким парижским дождём.

И впервые за много лет ему не хотелось возвращаться назад.

Не хотелось вспоминать, где он родился.

Не хотелось думать о том, что потерял.

Не хотелось считать, сколько лет прошло с тех пор, как Россия стала воспоминанием.

Он смотрел на неё.

И думал только об одном:

«Вот человек, рядом с которым я хочу быть».

А потом возникла другая мысль.

Более страшная.

«А если однажды она уйдёт?»

Он отогнал её.

Слишком рано.

Слишком страшно.

Он ещё не знал, что любовь всегда приходит вместе со страхом потери.

И что самые сильные чувства начинаются именно тогда, когда человек впервые понимает: другой человек может стать для него необходимым.

Они дошли до поворота.

Марина остановилась.

— Завтра приходите, — сказала она.

Всего три слова.

Николай кивнул.

Она пошла дальше.

Он остался стоять.

Дождь падал на волосы, на воротник, на руки.

Но он его уже не чувствовал.

Париж вокруг был всё таким же чужим.
Французская речь всё так же звучала вокруг.
Люди всё так же проходили мимо, не замечая его.
Но что-то изменилось.
Теперь у него было завтра.
Завтра, которое начиналось не с города.
Не с университета.
Не с обязанностей.
Не с воспоминаний.
Оно начиналось с её голоса.
«Приходите».

Николай пошёл домой.

Впервые за долгое время он шёл не один.

Потому что внутри него уже жила женщина, которой он пока не осмеливался признаться даже самому себе.

И, быть может, именно поэтому эта любовь с самого начала была обречена стать трагедией.

Не потому, что она была невозможной.

А потому, что была возможной.

А всё возможное человек боится потерять гораздо сильнее, чем невозможное.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«ЛЕС»

На следующий день Николай пришёл раньше.

Он сам не знал, зачем.

Можно было подождать. Можно было прийти ровно в назначенный час, как приходят к человеку, которого уважают, боятся немного и ещё не знают, имеют ли право называть близким. Но он пришёл раньше и несколько минут стоял неподалёку от дома, делая вид, что рассматривает улицу.

Вчерашний дождь ушёл.

Утро было чистым и холодным. В ветвях ещё держались прозрачные капли, и редкий солнечный свет вспыхивал в них, будто кто-то незаметно развесил среди деревьев маленькие кусочки стекла.

Николай посмотрел на часы.

Слишком рано.

Он усмехнулся самому себе.

Восемнадцать лет — и уже умеешь ждать так, будто от одного чужого шага зависит весь день.

Он хотел уйти и вернуться позже.

Не ушёл.

Ему нравилось стоять здесь.

Потому что отсюда начиналось ожидание.

А ожидание, как он ещё не понимал, иногда бывает почти счастливее самой встречи.

Когда Марина появилась, он сначала увидел не её.

Сначала слышал шаги.

Потом голос, отданный кому-то за спиной.

И лишь затем она вышла из-за угла.

На ней было тёмное пальто. В одной руке — перчатки, другой она придерживала сумку. Волосы слегка растрепал ветер.

— Вы давно здесь?

Николай хотел соврать.

Сказать: «Только что».

Но ответил честно:

— Давно.

Она посмотрела на часы.

— Тогда вы слишком пунктуальны.

Он улыбнулся.

— Я боялся опоздать.

— Куда?

Он не сразу нашёл ответ.

К ней.

Но это было нельзя произнести.

— На прогулку.

Марина усмехнулась.

— Прогулка никуда не убежит.

А Николай подумал, что именно этого он и боялся.

Не прогулки.

Её.

Они пошли в лес.

Марина любила лесные дороги за городом. Там не нужно было никому ничего доказывать, не нужно было говорить

громче, чем хочется, и можно было остановиться посреди пути только потому, что понравился цвет неба.

Николай шёл рядом.

Он старался казаться спокойным.

Не получалось.

Он видел её профиль и думал, что никогда ещё женщина не занимала в его сознании столько места.

Причём это была не просто женщина.

В Марине существовало что-то двойственное, чего он сам ещё не умел объяснить.

Иногда, когда она говорила с ним тихо, он испытывал почти детское желание приблизиться, прислониться к ней, просто знать, что она рядом.

А в следующую секунду в нём вспыхивало совсем другое чувство.

Он хотел, чтобы она увидела в нём мужчину. Он хотел страстно заняться с ней любовью и удовлетворить её! Её, не себя!

Эти два желания сталкивались внутри него и оставляли после себя странную боль.

Он не понимал, почему рядом с ней ему хочется одновременно быть старше и младше своих лет.

Почему от одного её взгляда он то расправлял плечи, то чувствовал себя мальчиком, который ждёт одобрения.

Он не знал.

Пока.

— О чём вы думаете? — спросила Марина.

— Ни о чём.

— Значит, врёте.

Он засмеялся.

— Вы всё замечаете?

— Нет. Только когда мне интересно.

Николай посмотрел на неё.

— Вам интересно?

Она ничего не ответила.

Лишь улыбнулась.

И пошла дальше.

Этот маленький жест остался у него внутри сильнее любого признания.

Ему было достаточно.

Почти.

Лес постепенно сомкнулся вокруг них.

Дорога стала уже.

Солнце исчезло за ветвями, и воздух сделался прохладнее.

Где-то далеко стучал дятел.

Пахло влажной корой и опавшими листьями.

Николай почувствовал, что здесь Марина становится другой.

В городе она всегда находилась среди слов, людей, обяза-

тельств.

Здесь она могла молчать.

И молчание ей шло.

Они остановились у большого дерева.

Марина положила ладонь на его ствол.

— Смотрите.

Он посмотрел.

— Что?

— Ничего.

— Тогда зачем смотреть?

— Затем, что иногда ничего — это как раз то, что нужно увидеть.

Он хотел запомнить её именно такой.

Рядом с деревом.

Наедине с тишиной.

С лицом, в котором не было ни литературной славы, ни чужих разговоров.

Только женщина.

Марина.

Николай вдруг взял её руку.

Он сделал это почти невольно.

Сам испугался собственного движения.

Марина посмотрела на их руки.

Не отняла.

Тогда он наклонился и коснулся губами её кисти.

Один раз.

Потом ещё.

Ему показалось, что время остановилось.

Он поднял глаза.

Марина смотрела на него спокойно, но уже совсем иначе.

Он не мог прочесть этот взгляд.

И это сводило его с ума.

Николай сделал шаг ближе.

Поцеловал её у запястья, потом выше, у плеча.

Марина тихо вдохнула.

Этого было достаточно, чтобы в нём вспыхнуло желание идти дальше.

Он коснулся губами её шеи.

Остановился.

Словно спрашивал.

Она не оттолкнула.

И тогда он поцеловал её ещё раз — осторожнее, дольше.

Николай чувствовал запах её волос, тепло кожи, слышал собственное дыхание.

Ему хотелось растворить эту минуту, сделать так, чтобы у неё не было конца.

Он коснулся губами её щеки, виска, уха.

Она закрыла глаза.

Он попытался найти её губы.

Но Марина отвернула лицо.

Не резко.

Не испуганно.

Просто не позволила.

Николай замер.

Внутри него всё рухнуло.

Но она не ушла.

И это было ещё сильнее.

Он смотрел на неё, не понимая, что делать дальше.

Марина открыла глаза.

В них было столько нежности, что ему стало почти больно.

Он снова приблизился.

Не потому, что хотел победить её отказ.

Потому, что не умел ещё принимать предел.

Его губы снова коснулись её шеи.

Потом плеча.

Он опустился ниже,

он смог расстегнуть верх платья и коснуться губами её груди.

Ему показалось, как будто её сердце хочет вырваться наружу.

Но наружу «вырвалась» грудь. Небольшая, но упругая, и это у матери родившей троих детей. Он взял нежно сосок губами, не причиняя боли. На секунду Николай представил себя ребёнком на руках своей матери, настолько это взволновало его.

Но Марина вдруг остановила его рукой.

Несколько секунд она ничего не говорила.

Только смотрела.

А потом тихо произнесла:

— Достаточно, юноша.

Николай отступил.

Два слова.

Всего два.

Но именно в них вдруг прозвучала вся разница между ними.

Юноша.

Не мужчина.

Не возлюбленный.

Юноша.

Он почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

Ему хотелось исчезнуть.

Хотелось оправдаться.

Сказать, что он не хотел переступить черту.

Что он не виноват.

Что она сама позволила ему подойти близко.

Что он не знает, как себя вести рядом с ней.

Но он ничего не сказал.

Только опустил глаза.

Марина поправила одежду, возвращая на место всё, что позволила достать.

И они снова пошли.

Некоторое время молчали.

Каждый шаг давался Николаю тяжелее предыдущего.

Он думал, что всё испортил.

Что теперь Марина будет смотреть на него иначе.

Что завтра не пригласит.

Что скажет кому-нибудь о его глупости.

Он представлял десятки вариантов будущего, и каждый был хуже другого.

Но через несколько минут она сама нарушила молчание.

— Вы слишком серьёзно к себе относитесь.

Он посмотрел на неё.

— Я всё испортил?

— Нет.

— Тогда почему...

Она не дала ему договорить.

— Потому что у каждой вещи есть своё время.

Николай замолчал.

Он не понял.

Именно поэтому эти слова он потом вспоминал ещё много раз.

У каждой вещи есть своё время.

Он повторял их про себя и в тот вечер, когда вернулся домой.

Повторял, стоя у окна.

Повторял, когда лёг спать.

У каждой вещи есть своё время.

Но что, если времени не будет?

Что, если завтра она изменится?

Что, если завтра у неё появится другая забота?

Другой человек?

Другой путь?

Он вскочил с кровати.

Начал ходить по комнате.

Снова сел.

Открыл тетрадь.

Написал:

«Она знает, что я её люблю».

Посмотрел.

Зачеркнул.

Написал:

«Я хочу быть с ней».

Зачеркнул.

Третью строку он не смог написать.

Потому что понял: самое страшное было не в том, что он хотел её.

Самое страшное — ему было мало её как женщины.

Ему хотелось чего-то большего.

Хотелось стать человеком, которого она впустит туда, куда не пускают случайных людей.

Хотелось, чтобы она доверяла ему свои страхи.

Сомнения.

Слабости.

Хотелось, чтобы при виде него в её глазах появлялось то выражение, которое он видел сегодня, когда она не отстранила руку.

Это было уже не просто желание.

Это была зависимость, которую он пока ещё называл любовью.

На следующий день он почти не мог думать ни об учёбе, ни о книгах.

Всё возвращалось к одному.

К её руке.

К шее.

К груди.

К слову «юноша».

Особенно к слову «юноша».

Николай ненавидел его.

И одновременно любил.

Потому что в нём было всё.

И снисхождение.

И нежность.

И предел.

И обещание.

Он начал искать в памяти другие интонации Марины.

Как она спрашивала, ел ли он.

Как интересовалась, не замёрз ли.

Как поправляла его шарф.

Как однажды сказала, что ему нужно больше спать.

Такие мелочи почему-то становились для него доказательствами близости.

И тогда его охватывало странное, почти болезненное счастье.

Ему хотелось снова услышать от неё: «Берегите себя».

Не потому, что он действительно нуждался в совете.

А потому, что эти слова звучали так, словно он ей небезразличен.

В этом была его первая тайна.

Он не мог понять, чего именно хочет от Марины.

Иногда ему было достаточно просто сидеть рядом.

Слушать.

Смотреть, как она пишет.

Слушать, как она говорит о стихах.

Иногда ему хотелось прикоснуться к ней.

Иногда — обнять.

Иногда — забыть обо всём и назвать её только по имени.

А иногда ему хотелось совсем другого.

Чтобы она посмотрела на него так, как женщина смотрит на мужчину.

Он не видел противоречия.

Для него эти чувства были частью одного.

Возможно, именно поэтому они были так сильны.

Но вскоре в этой истории появился ещё один человек.
Сергей.

Точнее он был и раньше, до Николая.

Николай сначала старался не думать о нём.

Получалось плохо.

Имя существовало рядом с Мариной всегда.

Оно могло не произноситься вслух, но присутствовало.

В книгах.

В разговоре.

В её доме.

В её прошлом.

В том, как она вдруг становилась задумчивой.

Николай не знал, что именно чувствует к Сергею Эфрону.

Он не считал его врагом.

Невозможно было назвать врагом мужа женщины, которая тебе не принадлежит.

И всё же однажды он поймал себя на том, что спрашивает:

«Где он?»

Не потому, что хотел познакомиться.

Потому, что хотел знать, когда его рядом нет.

Это открытие испугало его.

Однажды Марина сказала:

— Сергей скоро вернётся.

Николай кивнул.

Только и всего.

А внутри него словно кто-то резко захлопнул дверь.

Он вдруг понял, что всё это время жил в пространстве, где Марина была почти свободна.

Свободна для разговора.

Для прогулки.

Для шутки.

Для его присутствия.

Теперь он ясно почувствовал: у этого пространства есть Хозяин.

И это был не он.

После этого слова Марины зазвучали иначе.

Он начал замечать то, чего раньше не замечал.

Как она говорит о Сергее.

Как иногда защищает его.

Как раздражается на него.

Как всё равно думает о нём.

И Николай понял страшную вещь:

ревность не обязательно появляется тогда, когда есть соперник.

Иногда она появляется тогда, когда ты впервые понимаешь, что у другого человека есть жизнь, в которой тебя может не быть.

Он не имел права ревновать.

Именно поэтому ревность делалась сильнее.

Он не мог спросить:

«Вы любите его?»

Не мог спросить:

«Я для вас кто?»

Не мог сказать:

«Я хочу быть важнее него».

У него не было такого права.

И всё же каждый раз, когда Марина произносила имя Сергея, Николай чувствовал в себе укол.

Он начинал ненавидеть не человека.

Он ненавидел обстоятельство.

То, что Марина была не одна.

То, что у неё существовала жизнь до него.

То, что он не мог стереть эту жизнь одним своим появлением.

Это было бессильно.

И от этого особенно мучительно.

Весной они снова много гуляли.

Николай стал замечать, что некоторые дорожки в лесу за-
поминаются лучше страниц книг.

Вот здесь она смеялась.

Вот здесь остановилась.

Здесь сказала, что не любит слишком прямых людей.

Здесь он впервые поцеловал её руку. Её шею.

Здесь она произнесла:

«Достаточно, юноша».

Он возвращался туда один.

Иногда.

Просто чтобы проверить, осталось ли там что-нибудь от того вечера.

Конечно, ничего не осталось.

Лес не хранит человеческих признаний.

Ему всё равно, кто любил под его деревьями.

Кто плакал.

Кто обещал.

Кто потом ушёл.

Лес просто продолжает расти.

И Николай вдруг подумал, что именно поэтому ему здесь спокойно.

Лес ничего не требует.

Не задаёт вопросов.

Не спрашивает, кем ты был вчера.

И кем станешь завтра.

Иногда он видел Марину вместе с детьми.

И это каждый раз действовало на него сильнее, чем он ожидал.

Когда она склонялась над Муром, что-то в нём становилось мягче.

Он видел в ней не только любимую женщину.

Он видел женщину, способную защищать.

Заботиться.

Ждать.

Терпеть.

Ему хотелось, чтобы такая же нежность однажды была направлена на него.

Он сам пугался этого желания.

Почему ему важно, чтобы она спрашивала, ел ли он?

Почему ему нравится, когда она поправляет его одежду?

Почему он способен весь день помнить, как она коснулась его плеча?

Он не знал.

Он просто знал, что от этого ему хорошо.

Так постепенно Николай начал строить внутри себя жизнь, которой в действительности ещё не существовало.

Он представлял, как они будут гулять летом.

Как он покажет ей свои стихи.

Как они уедут куда-нибудь в горы.

Как Марина будет читать его рукопись.

Как однажды скажет, что он настоящий поэт.

Как он станет известным.

А рядом будет она.

Иногда в этих мечтах появлялся дом.

Не Париж.

Не Россия.

Просто дом.

И Марина в нём.

Он не замечал очевидного: в его мечтах она занимала одновременно место любимой женщины, наставника и почти материнской защиты.

Эта смесь казалась ему естественной.

Он не пытался её понять.

Чувство не нуждалось в объяснении.

А Марина понимала больше.

По крайней мере, ему иногда казалось, что понимает.

Она могла неожиданно менять тему, когда разговор подходил слишком близко.

Могла смеяться над его серьёзностью.

Могла сама коснуться его руки — и тут же убрать ладонь.

Могла назвать его ребёнком.

А через минуту обсуждать с ним стихи так, словно перед ней равный.

От этого Николай сходил с ума.

Он никак не мог понять границу.

Где заканчивается её забота?

Где начинается её чувство?

И существует ли вообще эта граница?

Он снова попытался написать о ней.

Но теперь писал не стихотворение.

Писал портрет.

«Она умна».

Зачеркнул.

«Она красива».

Зачеркнул.

«Она сильна».

Оставил.

Потом добавил:

«Она одна».

Задумался.

Эту строку он тоже оставил.

Потому что именно одиночество в ней он почувствовал в первый день.

И именно оно, наверное, так сильно притянуло его.

Ему казалось: два одиноких человека нашли друг друга.

Позже он поймёт, что одиночество двух людей не всегда складывается в близость.

Иногда оно только делает зависимость сильнее.

Но тогда он этого не знал.

Он был счастлив.

И всё же после той лесной прогулки в нём что-то изменилось.

До неё он мечтал понравиться Марине.

После неё он начал бояться её потерять.

Это были разные состояния.

Первое давало силы.

Второе отнимало.

Он стал ждать от неё писем, записок, стихов.

Ждать её шагов.

Ждать, когда она позовёт.

Когда она позволит ему быть ближе к ней.

Он начал замечать расстояния.

Сколько времени прошло с последней встречи.

Сколько дней до следующей.

Есть ли у неё свободный вечер.

Когда Сергей вернётся.

Кто ещё приходит в её дом.

Он не задавал этих вопросов вслух.

Но они уже жили в нём.

Однажды вечером он стоял у окна и снова смотрел на дождь.

Париж возвращался к своему прежнему состоянию.

Мокрые крыши.

Серая улица.

Фонари.

Чужая речь.

Но теперь город казался ему другим.

Потому что в нём была Марина.

И он вдруг понял:

раньше он страдал от того, что никому не нужен.

Теперь у него появился человек, который стал нужен ему

самому.

И это было ещё страшнее.

Потому что ненужность причиняет боль.

А нужность другого человека превращает эту боль в страх.

Страх потерять.

В ту ночь Николай снова открыл тетрадь.

Написал одну-единственную фразу:

«Почему она?»

Он смотрел на неё долго.

Мог бы написать «почему я люблю её?»

Но не написал.

Потому что вопрос был глубже.

Почему именно она?

Почему женщина старше его почти вдвое?

Почему женщина с мужем и детьми?

Почему женщина, в которой столько прошлого?

Почему та, рядом с которой он чувствует себя то ребёнком, то мужчиной?

Почему её голос действует на него сильнее собственного?

Почему именно Марина?

Он не знал.

И впервые его не удовлетворяло незнание.

Он хотел добраться до самого начала.

До того места в себе, откуда пришло это чувство.

До самой первой женщины.

До первого взгляда, который когда-то научил его, что женская близость может означать одновременно любовь, покой, восхищение и страх потерять.

Он ещё не понимал, куда ведёт эта мысль.

Но вопрос уже был задан.

И однажды ему придётся вернуться туда.

Назад.

В детство.

Туда, где ещё не было ни Парижа, ни Медона, ни Марины Цветаевой.

Туда, где всё началось намного раньше.

На другой день Николай увидел её издалека.

Она стояла у окна и разговаривала с кем-то в комнате. Он остановился на улице.

Ему вдруг стало страшно входить.

Вчера между ними произошло то, чего он не умел назвать. Не поцелуй — один поцелуй ничего не меняет. Не отказ — Марина не сказала ему «нет» так, как говорят человеку, которого хотят потерять.

Она сказала другое.

«Достаточно, юноша».

И теперь Николай понимал: это слово будет преследовать его.

Он вошёл.

Марина обернулась.

— Вы чего-то боитесь?

— Нет.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Опять врёте.

Он улыбнулся.

И впервые после вчерашнего почувствовал облегчение.

Она не оттолкнула его из своей жизни.

Значит, всё ещё можно было жить дальше.

Но как?

В разговоре она была совершенно обычной.

Спросила, что он читает.

Поинтересовалась, что он пишет.

Пожаловалась на погоду.

Рассказала какую-то смешную историю.

Николай слушал и постепенно успокаивался.

Но внутри него всё время жило вчерашнее.

Ему казалось, что между ними есть тайна, которой больше не существует ни у кого.

И от этого он чувствовал себя избранным.

Это было опасное чувство.

Оно заставляло его видеть знаки там, где могли быть просто жесты.

Если Марина задерживала на нём взгляд, он считал это признанием.

Если касалась руки — надеждой.

Если звала прийти — обещанием.

Если потом вдруг становилась холоднее — наказанием.

Он ещё не понимал, что человек, охваченный любовью, начинает читать другого человека как книгу, написанную исключительно для него.

Впрочем, Марина действительно выделяла его.

Это было видно.

Она доверяла ему свои тексты.

Говорила о том, о чём не со всеми говорила.

Могла попросить о помощи.

Могла спорить с ним.

Могла смеяться над ним.

Иногда, совсем неожиданно, становилась перед ним беззащитной.

Именно эти минуты были для Николая самыми дорогими.

Он не хотел только обладать её вниманием.

Ему хотелось заслужить его.

Чтобы когда-нибудь она могла сказать:

«Из всех людей, которых я знаю, я доверяю тебе».

Он не знал, что это уже не просто любовь.

Это была потребность стать необходимым.

Однажды Марина заговорила о России.

Не о политике.

О снеге.

О доме.

О детских голосах.

Николай слушал, не перебивая.

Он заметил, что её голос изменился.

Стал тише.

Он впервые понял, что перед ним женщина, которая носит внутри целую страну.

Ему захотелось защитить её от всего, что когда-либо причиняло ей боль.

Это желание было огромным и совершенно беспомощным.

Как можно защитить человека от прошлого?

Как можно вернуть умершее?

Как можно сделать так, чтобы то, что уже произошло, не произошло?

Он смотрел на Марину и чувствовал к ней не жалость.

Жалость была бы слишком простой.

Он чувствовал желание укрыть.

Прижать к себе.

Сказать: «Я здесь».

И одновременно хотел услышать эти слова от неё.

Эта взаимная подмена ролей делала его чувство почти невыносимым.

Иногда Николай представлял себя гораздо старше.

Он видел себя человеком, который добился чего-то в литературе.

У которого есть имя.

Книги.

Свои читатели.

И он думал: вот тогда Марина перестанет говорить «юноша».

Тогда она увидит в нём равного.

Может быть, даже станет спрашивать его совета.

Может быть, однажды прочитает его стихи и поймёт, что всё это время он был способен на большее.

Его мечты были наивны.

Но в них была огромная жажда взросления.

Он хотел вырасти ради неё.

И это, пожалуй, было самым чистым в его чувстве.

Однако вместе с этим приходило другое.

Ревность.

Она появилась тихо.

Однажды кто-то назвал фамилию Эфрона, и Николай сразу почувствовал, как внутри что-то сжалось.

Он постарался скрыть это.

Марина заметила.

Конечно, заметила.

Она посмотрела на него внимательно, но ничего не сказала.

И Николай был ей за это благодарен.
Ему было стыдно.
Сергей имел право быть в её жизни.
Он был её мужем.
Отцом её детей.
Человеком, с которым она прошла долгую дорогу.
Николай был всего лишь недавним знакомым.
Пусть особенным. Пусть близким.
Но всё-таки новым человеком.
И от этой арифметики сердце не становилось разумнее.

Он начал ненавидеть вечера, когда Марина говорила:
— Сегодня мне нужно домой.
Дом.
Это слово теперь тоже обрело другой смысл.
Домом был тот мир, в который он не входил.
Там были дети.
Там был Сергей.
Там была история.
Там были вещи, купленные до него.
Письма, полученные до него.
Ссоры, которые он не слышал.
Примирения, которых не видел.
Минута за минутой прожитая без него жизнь.
Ему хотелось спросить:
«А я когда-нибудь смогу стать частью этого?»

Но он молчал.

Потому что иногда молчание — единственная форма достоинства, на которую способен влюблённый человек.

Вечером он снова пошёл в лес один.

Сумерки уже сгущались.

Деревья казались выше. Тропинка — длиннее.

Он дошёл до того места, где Марина остановила его.

Постоял.

Потом сел на поваленный ствол.

Ему стало странно.

Ещё вчера здесь он чувствовал себя счастливейшим человеком на свете.

Сегодня это место казалось ему почти священным.

Он боялся прикоснуться к коре, словно мог разрушить воспоминание.

И вдруг понял, что будет приходить сюда снова.

Не ради леса.

Ради того мгновения, когда она позволила ему приблизиться.

Человеку свойственно хранить не то, что получил, а то, чего получил не до конца.

Николай посмотрел вверх.

Между ветвями виднелось небо.

Ему пришла в голову мысль о горах.

О высоте.

О том, что наверху тоже человек остаётся один.

Может быть, именно поэтому его так тянет туда.

Внизу слишком много людей.

Слишком много голосов.

Слишком много правил.

Слишком много чужих жизней.

А на высоте остаётся только человек и небо.

И, может быть, женщина, о которой он думает.

Он ещё не знал, что в будущем горы станут для него не просто местом.

Они станут языком.

Способом говорить о свободе.

О страхе.

О любви.

О смерти.

Но сейчас он был всего лишь юношей, сидевшим на сыром стволе и пытавшимся понять собственное сердце.

Ему вдруг захотелось писать.

Он достал тетрадь.

Не придумал ни одного образа.

Тогда он записал:

«Я встретил женщину, рядом с которой мне хочется стать взрослым».

Подумал и добавил:

«И ребёнком».

Эту строку он не зачеркнул.

Потом долго смотрел на неё.

Ему было неловко от собственной честности.

Но впервые он не захотел себя исправлять.

На следующий день Марина попросила его помочь с рукописью.

Николай пришёл.

Они сидели за столом.

Она читала.

Он слушал.

И вдруг ему стало спокойно.

Не потому, что всё было решено.

Наоборот.

Ничего не было решено.

Но у него появилась надежда, а надежда — странное вещество: она способна удерживать человека там, где разум уже советует уйти.

Николай не собирался уходить.

Марина подняла голову от страницы.

— Вы опять где-то далеко.

— Где?

— Не знаю.

— А вы хотите знать?

Она улыбнулась.

— Иногда.

Николай посмотрел на неё.

И ему показалось, что сейчас можно сказать всё.

Сказать про лес.

Про вчера.

Про ревность.

Про то, что он думает о ней постоянно.

Про то, что не может понять собственных чувств.

Про то, как мучительно ему слышать имя Сергея.

Про то, как хочется быть рядом.

Он почти заговорил.

Но остановился.

И это было правильно.

Есть признания, которые нельзя произносить слишком рано.

Иногда молчание позволяет любви продолжать расти.

Когда он уходил, Марина сказала:

— До завтра.

Николай ответил:

— До завтра.

На лестнице он остановился.

Ему вдруг стало смешно.

Он снова думал о будущем.

Снова строил его из двух слов.

До завтра.

Будто завтра действительно было обещано.

Будто жизнь обязана продолжать начатое.

Будто люди не исчезают.

Будто любовь не имеет привычки приходить именно тогда, когда человек ещё не умеет с ней обращаться.

По дороге домой он думал только об одном.

Марина не сказала ему «нет».

Но не сказала и «да».

Между этими двумя словами лежала целая жизнь.

И Николай собирался прожить её, не понимая, что именно ищет.

Любовь?

Признание?

Материнское тепло?

Равенство?

Женщину?

Или ту первую близость, которую когда-то должен был дать ему кто-то другой?

Ответа не было.

Пока.

Он шёл по Парижу, и город снова говорил на своём чужом языке.

Но теперь Николай не чувствовал себя брошенным.

У него была тайна.

У него была надежда.

У него была Марина.

И у него был вопрос, который он пока не умел задать правильно.

Почему она?

Почему именно эта женщина оказалась для него важнее всего?

Почему именно рядом с ней он впервые почувствовал то, что принимал за любовь?

Иногда, чтобы понять человека, приходится идти не вперёд, а назад.

Намного назад.

Туда, где он ещё не умел говорить о своих желаниях.

Туда, где любовь впервые получила для него лицо.

Туда, где была его мать.

И прежде чем Николай успеет снова увидеть Марину, читателю придётся увидеть его самого — маленьким мальчиком, ещё до эмиграции, до Парижа, до стихов.

Потому что история этой любви началась не в лесу.

И даже не в Медоне.

Она началась гораздо раньше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТАМ, ОТКУДА ВСЁ НАЧАЛОСЬ

В детстве Николай считал, что отец умеет смотреть на человека насквозь.

Одного взгляда Павла Павловича было достаточно, чтобы мальчик перестал вертеться на стуле, убрал со стола карандаши и вспомнил, что уже давно пора заниматься.

Отец не кричал.

Почти никогда.

Ему это было не нужно.

Он обладал той редкой разновидностью строгости, которая не требует повышения голоса. Достаточно было короткого:

— Николая!

И в этом одном слове слышалось всё: предупреждение, требование, порядок, долг.

Павел Павлович был юристом. Для него мир состоял из причин и следствий. За поступком следовало последствие. За обещанием — обязанность. За ошибкой — исправление.

Он любил сына.

Николай в этом не сомневался.

Но отцовская любовь имела форму правил.

Проснуться вовремя.

Следить за одеждой.

Не перебивать старших.

Читать то, что положено.

Учиться тому, что пригодится.

Не жаловаться.

Не быть слабым.

Николай рано понял: отец хочет сделать из него человека,

на которого можно положиться.

Только мальчик не всегда понимал, как стать таким человеком.

Мать была совсем другой.

Если отец видел в нём будущего взрослого, мать видела ребёнка — даже тогда, когда Николай уже пытался доказать всему миру, что он почти мужчина.

Она могла встретить его у двери, когда он возвращался с прогулки, и первым делом спросить:

— Ты не замёрз?

Могла положить руку на его лоб.

Могла поправить воротник.

Могла незаметно сунуть в карман яблоко или кусочек пирога.

Если он получал замечание от отца, мать не спорила при нём, но потом тихо заходила в комнату.

— Не переживай.

Всего два слова.

А Николай чувствовал себя после них так, будто снова оказался в безопасности.

Он не был избалованным.

Просто мать умела утешать.

И иногда её нежность казалась ему гораздо сильнее отцовской строгости.

Она не требовала.

Она принимала.

Отцу нужно было, чтобы Николай стал лучше.

Матери было достаточно того, что он просто есть.

И мальчик, сам того не понимая, начал тянуться к этой стороне жизни всё сильнее.

В родовом доме было много комнат, в которых ребёнок мог потеряться.

Высокие потолки.

Длинные коридоры.

Тяжёлые двери.

Запах полированного дерева.

Шаги взрослых.

Часы, которые в некоторых комнатах звучали громче, чем в других.

Служанки появлялись и исчезали почти бесшумно.

Иногда Николай просыпался ночью и слышал, как мать разговаривает с кем-то за дверью.

Он лежал, не открывая глаз, и слушал её голос.

Ему нравился именно голос.

В нём не было приказа.

Не было оценки.

Он слышал в нём мягкость, которая будто существовала только для него.

Иногда мать заходила пожелать ему спокойной ночи.

Наклонялась.

Целовала в лоб.

И Николай ещё долго лежал неподвижно, чтобы не спугнуть ощущение её присутствия.

Тогда он ещё не мог понимать, что человек особенно крепко привязывается к тем чувствам, в которых впервые ощущает себя безусловно любимым.

Он просто знал:

рядом с матерью ему хорошо.

Отец, напротив, словно учил его держаться подальше от слабости.

Когда Николай однажды расплакался из-за какой-то детской обиды, Павел Павлович сказал:

— Мужчины не должны плакать из-за пустяков.

Мальчик вытер глаза.

Кивнул.

И больше при отце не плакал.

Зато мать вечером заметила его красные глаза.

Ничего не спросила.

Просто посадила рядом.

Провела рукой по волосам.

И сказала:

— Всё пройдёт.

Николай прижался к ней плечом.

Он ещё не умел назвать то, что чувствовал.

Но мог бы назвать это самым простым словом:

дом.

Так в нём постепенно разделились два мира.

Отец — требование.

Мать — утешение.

Отец — взросление.

Мать — возможность оставаться ребёнком.

Отец говорил: «Стань сильным».

Мать словно отвечала: «Тебе не обязательно быть сильным всё время».

И Николай нуждался в обоих.

Но сильнее всего — в её взгляде.

Ему было важно знать, что мать им довольна.

Он мог прочесть книгу только потому, что отец сказал.

Но если потом мать спрашивала, что он прочитал, он пересказывал ей всё — даже то, чего сам до конца не понял.

Он приносил ей рисунки.

Первые неловкие стихи.

Записки.

Любую мелочь, которой можно было поделиться.

Мать слушала.

Иногда улыбалась.

Иногда хвалила.

Иногда говорила, что из него когда-нибудь получится хороший человек.

Николай запоминал эти слова.

Он складывал их внутри себя, как маленькие сокровища.

Годы проходили.

Мальчик становился подростком.

Он начал замечать людей иначе.

Особенно женщин.

Не конкретных женщин — самую разницу между мужским и женским миром.

Он видел, как женщины разговаривают друг с другом.

Как смеются.

Как поправляют волосы.

Как меняется голос, когда они говорят с детьми.

Как мать, оставшись одна перед зеркалом, могла вдруг показаться совсем другой — не только матерью, но и женщиной.

Николай ещё не умел объяснять эту перемену.

Он только замечал её.

И иногда смущался собственных мыслей.

Это тоже было частью взросления.

Однажды Николай оставил свой дневник в комнате матери.

Он заметил это только вечером.

Дневник был для него почти тайной исповедью.

Там были первые стихи.

Наброски.

Имена людей, которые ему нравились.

Страхи, о которых он не говорил.

Маленькие мечты.

Он не хотел, чтобы кто-нибудь его прочитал.

Поэтому, вспомнив о дневнике, сразу пошёл за ним.

Он постучал.

Ответа не услышал.

Николай приоткрыл дверь.

И остановился.

Мать нагой стояла перед зеркалом.

Это был всего лишь случайный, будничный момент, но подросток вдруг почувствовал, что оказался свидетелем чего-то, чего никогда прежде не видел.

Перед ним была не мать, которая поправляет ему шарф и спрашивает, не холодно ли.

Перед ним была женщина. Обнажённая, стройная, красивая женщина с утончённой фигурой.словно Королева, которая, только что сняв корону, осталась в неглиже.

Глаза подростка видели наготу сзади, а зеркало высотой в два метра, перед которым она стояла, показало наготу спереди.

Он отвёл взгляд почти сразу.

Сердце почему-то забилось сильнее.

Мать заметила его.

И не рассердилась.

Не испугалась.

Не сделала резкого движения, чтобы закрыться от собственного сына.

Она просто посмотрела на него через зеркало.

— Ты что-то искал?

— Дневник.

Голос у Николая оказался слишком тихим.

— Вот он.

Он увидел тетрадь на столе.

И всё равно не сразу подошёл.

Ему было неловко.

Не от матери.

От самого себя.

От того, что впервые увидел её глазами человека, который уже начинает взрослеть.

Он понял: материнское лицо, которое всю жизнь было для него знаком покоя, существует рядом с другим образом — образом женщины.

И это открытие было настолько новым, что он не мог сразу разложить его по полкам.

Мать, кажется, поняла его смущение.

Она не стала делать из этого событие.

И именно поэтому оно стало для Николая ещё значительнее.

В комнату заглянула служанка.

Увидев ситуацию, она быстро шагнула к матери, будто хо-

тела прикрыть её от взгляда сына.

Мать остановила её.

— Не надо.

Служанка замерла.

— Он мальчик, — спокойно сказала мать.

Пауза.

— Он должен знать, что женщина — это не только лицо.

Николай почувствовал, как у него горят щёки.

Он схватил дневник.

Пробормотал:

— Спасибо.

И вышел.

Только в коридоре позволил себе вдохнуть полной грудью.

Он шёл к своей комнате и не понимал, почему этот короткий эпизод так сильно его потряс.

Мать ничего не сделала.

Не сказала ничего необычного.

Но для него словно открылась дверь в неизвестный мир.

В ту ночь он долго не спал.

Ему было стыдно за собственные мысли.

Тело подростка как бы говорило — ты уже взрослый!

И физиологические процессы внутри и снаружи бурлили, как гейзер.

Он пытался читать.

Не получалось.

Пытался писать.

Слова рассыпались.

Он закрыл дневник.

Повернулся к стене.

И вдруг понял, что ему хочется, чтобы утром мать снова говорила с ним так же, как раньше.

Чтобы всё вернулось.

Чтобы её голос снова означал только безопасность.

Но прежняя простота уже исчезла.

Он стал старше.

А вместе с возрастом любое чувство усложняется.

На следующий день Нина Николаевна ничего не сказала.

И это успокоило его.

Она продолжала быть такой же: спрашивала, завтракал ли он, напоминала взять пальто, интересовалась занятиями.

Но теперь Николай смотрел на неё внимательнее.

Он начал видеть мелочи.

Как она улыбается.

Как поправляет волосы.

Как меняет выражение лица, когда входит отец.

Как становится мягче, когда остаются они вдвоём.

И главное — он начал замечать в себе странное желание быть для неё особенным.

Не просто сыном.

Не просто ребёнком.

Он хотел, чтобы именно на него она смотрела с особенной нежностью.

Это желание было детским.

Но в нём уже присутствовало что-то от будущего мужчины.

Николай пока не мог различить эти оттенки.

Для него всё смешивалось в одном чувстве.

Павел Павлович видел, как сын меняется.

Он становился замкнутее.

Больше читал. Писал.

Дольше смотрел в окно.

Отец считал это обычными подростковыми капризами.

— Тебе нужно серьезнее относиться к будущему.

Николай кивал.

Он не спорил.

Но внутри уже рос другой человек.

Человек, которому было мало готового будущего.

Ему нужны были стихи.

Ему нужны были слова.

Ему нужна была женщина, рядом с которой он мог бы чувствовать одновременно волнение и покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.